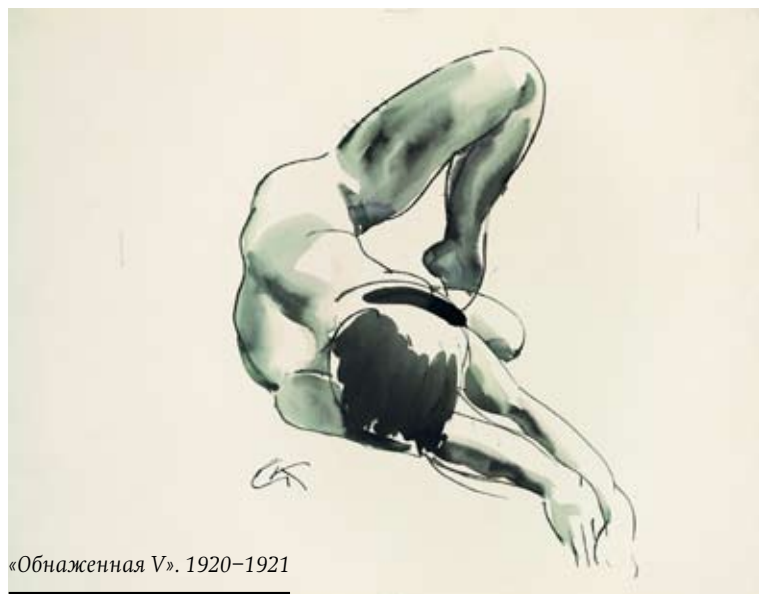


Альбом рисовальщика

«Рисунки голубой тушью» Георга Кольбе в Эрмитаже рассматривает Кира Долинина



«Обнаженная V». 1920–1921



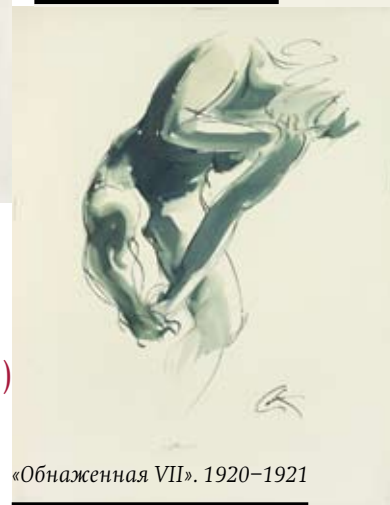
«Обнаженная VI». 1920–1921



«Объятия II». 1920–1921



«Обнаженная I». 1920–1921



«Обнаженная VII». 1920–1921

ТАМ, ГДЕ РАЗУМ ДРУГИХ ПОД
ПУЛЯМИ И ГАЗАМИ ПЕРВОЙ
МИРОВОЙ ПОРОЖДАЛ
ЧУДОВИЩ, — КОЛЬБЕ
СОХРАНИЛ ЯСНОСТЬ
И МИР В ДУШЕ

В ЭРМИТАЖЕ открывается небольшая, камерная как по объему, так и по характеру, негромкая выставка, но она исключительно важна с художественной и политической точки зрения. Музей представляет одного из самых именитых немецких скульпторов XX века, по ряду причин практически незнакомаго отечественному зрителю, и одну из своих коллекций, о которых известно разве что их хранителям и особо интересующимся коллегам.

Георг Кольбе (1877–1947) — из тех художников, которые были почитаемы еще при жизни, увешаны наградами и званиями, вошли во все возможные истории искусства, внесли вклад, сказали свое слово, оказали большое влияние. Но что-то помешало им стать первыми, заставляло уступить дорогу другим и не дает иностранцам оценить их первородство в той же мере, что и соотечественникам.

Проблема в биографии? Может быть и так: Георг Кольбе прошел почти стандартный путь для немецкого художника умеренно радикальных устремлений. Учился в самом правильном для Германии конца XIX века месте — в Мюнхене, затем в Париже (самом правильном для Европы), затем поехал туда, где необходимо побывать каждому художнику — в Рим, и там понял, что станет скульптором. Был знаком с теми, с кем стоило быть знакомым — с чуть ли не главным немецким симво-

листом Максом Клингером, с точно главным французским скульптором Огюстом Роденом, с чрезвычайно пробивным берлинским маршаном Паулем Кассирером. Первый подарил молодому художнику любовь к обобщениям, второй — чувство легкой формы, третий вселил уверенность в то, что и такую «рукопись» можно будет продать. По меркам прошлого века слава пришла к Кольбе если не рано, то вовремя — в тридцать пять лет: его большую, в человеческий рост, бронзовую «Танцующую» приобрела Национальная галерея в Берлине. Все исследователи творчества Кольбе не проходят мимо этого факта: впервые имперский музей приобрел работу художника, столь далекого от академических кругов, причем сделано это было даже вопреки мнению кайзера. Потом была война и служба в армии. Потом обедневший и разорванный в клочья бесконечными митингами и стычками Берлин. Были заказы, выставки и признание (в 1918 году Кольбе получил звание профессора, в 1919-м был принят в Прусскую академию искусств), были и простои (так, например, в 1919–1920 годах Кольбе как скульптор практически не работал, предпочитая финансово неподъемной бронзе альбомы для рисования). С приходом национал-социалистов не сам Кольбе, но некоторые его работы подверглись поруганию. Памятник Гейне (1913, Франкфурт-

на-Майне) был сброшен с цоколя гитлерюгендовцами, а фонтан имени братьев Ратенау (1930, Берлин) был демонтирован и пережил опасные для себя времена под псевдонимом «Весенняя песня» в Штеделевском художественном институте. Сам же скульптор, напротив, был новой властью почитаем и, несмотря на то что оказался от великой чести делать портрет Гитлера, весомые художественные посты занимал.

Такая вот довольно долгая немецкая судьба. Все почти так же, как и у других собратьев по цеху. Но именно что почти. Там, где разум других под пулями и газами Первой мировой порождает чудовищ, — Кольбе сохранил ясность и мир в душе. Там, где нищета и морок послевоенного Берлина ломали судьбы и души, — Кольбе скрупулезно следил за динамикой низвергающихся под инфляцией цен на масло, яйца и собственные работы. Там, где у вроде бы таких же «модернистов» и любителей французского искусства с приходом Гитлера к власти уходила почва из-под ног, Кольбе умудрялся делать новые скульптуры: чуть более чеканный шаг, чуть более тяжелый ритм, чуть более массивные фигуры в тон новой породе людей. XX век ценил в художнике надлом и боль. Сдержанность и практицизм уважались, но «гению» этого века явно не пристали.

О самом Кольбе эрмитажная выставка расскажет немного: прежде всего потому, что она не про самое для него важное; не про скульптуру, а про ту часть творчества Кольбе, которую его исследователи ставят едва ли не на одну со скульптурой ступень, — про графику. Рисовальщиком Кольбе был отменным. И что интересно, в рисунке он был куда более офранужен, чем в суровой пластике. Тени Родена, Майоля и Матисса витают над этими листами. Коллекция, которую представляет сегодня Эрмитаж, — неизвестного происхождения. Некоторые из рисунков попадают в каталогах к ранним выставкам Кольбе, но уже в 30-е годы практически все они исчезают с горизонта. Скорее всего, они просто оказались в частной коллекции, откуда и были долгим ли, коротким ли путем, но перевезены в СССР после Второй мировой войны в качестве трофеев (теперь принято говорить — перемещенных ценностей). Возможным итогом этой выставки станет появление наследников бывших владельцев. Но главным все-таки будет то, что удивительные танцующие, парящие, извивающиеся фигурки с забытых рисунков Кольбе увидят свет. Да еще не одни, а в соседстве с другими «танцующими» — на выставке «Танец» (Матисс и другие), которую откроют почти одновременно с выставкой Кольбе в рамках фестиваля «Дягилев. Постскриптум».

Эрмитаж, с 14 октября до 17 января